

Примечания

- ¹ Старославянскими рукописями называем одиннадцать глаголических евангелий Зографское (Зогр), Марининское (Мар), Ассеманнэво (Ас), Охридское, Зографский палимпсест, Боянский палимпсест, (Боян), Синайскую псалтырь (Син), Синайский свхологий (Евх), Синайский служебник, Клоцов сборник (Клоц), Рыльские листки, а также шесть кириллических Савину книгу (Сав). Листки Ундолльского (Унд), Енинский апостол (Ен), Супрасльскую рукопись (Супр), Хиландарские листки (Хил), Зографские листки (Зогр лл)
- ² Sadnik L, Aitzetmüller R Handworterbuch zu den altkirchenslavischen Texten Heidelberg, 1955, 149
- ³ Лъев А С Из лексических разысканий // Доклады и сообщения Ин-та языко-знания АН СССР, N 10, 1956, 57
- ⁴ Там же, 58
- ⁵ Bolinger D Intensification in English // Language sciences 1971, N 16, 1—5
- ⁶ Лъев А С Указ соч., 57
- ⁷ Meyer K Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprashiensis Glückstadt und Hamburg 1935, 26
- ⁸ Цифра указывает количество употреблений
- ⁹ Лъев А С Указ соч., 57
- ¹⁰ Дворецкий И Х Древнегреческо-русский словарь М, 1958, 1342, 1341
- ¹¹ Цейтлин Р М Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв София, 1986, 250—252
- ¹² См., например Sophocles E A Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods New Jork, 1957, 904—910, Lampe G W H A Patristic Greek Lexicon Oxford, 1961, 1115—1119
- ¹³ Sadnik L, Aitzetmüller R Op cit., 166

Р. Мароевич*

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ПОСЕССИВНЫХ КАТЕГОРИЙ И ПОСЕССИВНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ

В праславянском языке сформировалась специфическая система посессивных категорий и посессивных производных, которая типологически отличала праславянский от других индоевропейских языков. Реконструкция праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных осуществляется на основе данных, которые представляют в первую очередь древнерусский язык, в котором эта система лучше всего сохранилась, затем старославянский язык как язык переводной литературы и другие славянские языки и диалекты в своем историческом развитии, а также как историческая антропонимия и топонимия. Грамматико-семантическая реконструкция словообразовательных и синтаксических средств для выражения принадлежности и обладания в живой или актуальной функции и в составе антропонимических и топонимических производных может служить как tertium comparationis для сравнения между собой современных славянских языков и с ранними фазами их развития, а также для исследования их типологической дифференциации в перспективе синхронии и диахронии.

Систему посессивных категорий составляют словообразовательные (прилагательные с суф. *ь/ь*, *-ъиъ*, *-ъиъ*, *-иъ*, *-евъ/-овъ*) и синтаксические категории (родительный и дательный принадлежности, посессивные

* © Радмило Мароевич, 1989 г.

предложения) в грамматической функции выражения непосредственной принадлежности и непосредственного обладания. По формально-грамматическому признаку посессивные категории делятся на суффиксальные и синтаксические. Семантически мы различаем собственно посессивные категории и квалитативно-посессивные категории. Собственно посессивные категории выражают принадлежность и отвечают на вопрос, кому принадлежит объект посессивности. Квалитативно-посессивные категории, в которых пересекаются две понятийно-семантические категории — квалитативность и посессивность, выражают обладание и отвечают на вопрос, что имеет субъект посессивности. Посессивные категории могут выполнять наряду с грамматической также и деривационную функцию, т.е. могут служить базой для образования новых категорий слов. Посессивные категории в деривационной функции составляют систему посессивных производных. Мы различаем посессивные производные в антропонимии, топонимии и appellативной лексике. Наряду со словами, которые возникли аффиксальным путем, мы включаем в посессивные производные также слова, которые сложились путем транспозиции, т.е. путем перехода из одной категории слов в другую.

Система посессивных категорий праславянского языка делится на три подсистемы на посессивные категории для выражения атрибутивной, атрибутивно-предикативной и предикативной посессивности. Наи важнейшая из этих подсистем — подсистема атрибутивной посессивности, которую образуют притяжательные прилагательные (и притяжательные местоимения), суффиксально оформленные, и родительный принадлежности как синтаксическая категория. В праславянском языке сложилось специфическое отношение суффиксальных и синтаксических категорий для выражения атрибутивной посессивности, центральное место в которой занимают притяжательные прилагательные, точнее посессивы — категория, у которой сочетаются признаки и существительного, и прилагательного. Атрибутивные категории важны и потому, что только они реализуются на уровне словосочетания, благодаря чему могут выполнять функцию номинации и в топонимике. Посессивы (притяжательные прилагательные), кроме того, конституируют один тип посессивных предложений — тот, который служит для обозначения принадлежности и представляет также словообразовательную базу для оформления антропонимических и топонимических производных. Атрибутивно-предикативная и предикативная посессивность реализуется на уровне предложения. Предикативная посессивность осуществляется в посессивных предложениях двух типов — для обозначения принадлежности и для обозначения обладания. Атрибутивно-предикативная посессивность реализуется только в предложении, но в предложении, которое не является посессивным. Для ее выражения служит дательный принадлежности как синтаксическая категория.

На специфику выражения атрибутивной посессивности в славянских языках вообще и особенно на специфику славянских притяжательных прилагательных указывали многие слависты. Значительный вклад в освещение природы суффиксальных посессивных категорий

в праславянском языке внес А А Потебня Он подчеркивает "Нужно предположить, что в этом языке ("язык более древнего строя" — РМ) само прилагательное притяжательное и относительное более конкретно, чем в позднейшем то, что определение и приложение относится к этому прилагательному так, как если бы на месте его стояло существительное (*домъ Симоновъ усмаря, дчи Всеяложа Великого, слово Господьне, рекшаго — иже рече*), объяснимо лишь тесною связью этого прилагательного с существительным, от коего оно произведено, иначе говоря, тем, что прилагательное немедленно восстановляется в мысли субстанцию, к коей оно относится"¹

Идеи Потебни развил Н С Трубецкой, который первым высказал мысль, что славянские притяжательные прилагательные входили в парадигму имен, от которых они произведены Правда, он в своем анализе ограничивается старославянским языком, но очевидно, что его объяснение можно применить и к праславянскому "Приименный (адноминальный) родительный падеж имен существительных употребляется, лишь если он сопровожден определительным словом (*сынъ бога живаго, домъ отца моего*), в противном же случае он обязательно заменяется притяжательным прилагательным (*сынь божии, домъ отъчъ*) Поэтому от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного соверенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов"² Здесь нужно напомнить, что уже в старославянском языке частично изменилось отношение притяжательных прилагательных и родительного принадлежности в праславянском языке, как показывает наша реконструкция, в случае, когда субъект посессивности выражен словосочетанием типа *отъсь тоѣ*, употреблялось притяжательное прилагательное, образованное от имени существительного, и родительный падеж местонимения (*домъ отънь тоѣго*) или притяжательное прилагательное, образованное от имени существительного и дательный принадлежности соответствующего личного местоимения (*отънь ти домъ*)

Мысль Трубецкого приняла С В Фролова и применила при объяснении древнерусских притяжательных прилагательных На основе двух критериев — семантического ("генетивная функция являлась самой общей чертой для всех древнерусских образований с притяжательными суффиксами") и грамматического ("все прилагательные с притяжательными суффиксами в старший период истории русского языка довольно устойчиво удерживали общий тип склонения, именной по своим исходным формам") она приходит к выводу "в древнерусском и старорусском языках существовала особая грамматическая категория, промежуточная между существительными и прилагательными, категория производных согласованных генетивов"³ Объяснение Фроловой и термин, предложенный ею, приняла Н П Зверковская, дополнив приведенное выше объяснение утверждением, что "производные согласованные генетивы были промежуточной ступенью в процессе адъективации существительного"⁴

Разбирая понятие парадигмы в славянских языках, И И Ревзин

обращает внимание и на "так называемые притяжательные прилагательные" и, основываясь на трех критериях (возможность употребления прилагательного, личного местоимения в другом предложении и относительного местоимения как элементов, зависимых от существительного, от которого образовано притяжательное прилагательное), приходит к выводу, что посессивные формы входят в парадигму существительного в старочешском, современном словацком и лужицких языках, а в остальных языках "мы имеем дело со все большим отрывом от существительного"⁵

Мы попытались объяснить природу праславянских притяжательных прилагательных, исходя из их происхождения, полагая что в известную эпоху развития праславянского языка стало грамматически невозможным употребление родительного принадлежности существительного, и в результате — именной родительный принадлежности заменин суффиксальными посессивными категориями. Мы предположили, что причину этого явления нужно искать в расширении значения после синкремизма форм старого генетива и старого ablativa. Некоторые из посессивных суффиксов (-ъ, -ъ/ь) праславянский язык унаследовал из праиндоевропейского языка, но эти суффиксы лишь на славянской территории получили специфическую словообразовательную функцию — с их помощью производятся прилагательные, которые специфическим образом входят в парадигму имени существительного. Другие посессивные суффиксы возникли в праславянском языке (-ъль, -ънь, -иъль, -евъ/-овъ). Принимая на себя функцию родительного принадлежности, суффиксальные посессивные категории восприняли и его синтаксическое употребление в рамках именной парадигмы. Так сформировалась особая грамматическая категория праславянских притяжательных прилагательных (посессивов), которые, входя в парадигму существительных, от которых они образованы, в то же время имеют и особенности прилагательных (согласование с именем по роду, числу и падежу)⁶.

Самые старые древнерусские памятники показывают, что притяжательное прилагательное употреблялось не только от существительного, которым назывался субъект посессивности, но и от предложения к нему *стадо дѣтино Ивашково, княгининъ уѣздъ Ульянинъ, Володимеръ внукъ Мономаховъ*⁷. Только согласованное определение имени, которым назван обладатель, прилагательное, причастие, порядковое числительное, местоимение-прилагательное, также эти части речи в самостоятельном употреблении, выступали в форме родительного принадлежности (ср словосочетания типа *брать Якуновъ слѣпаго*)

Включение притяжательных прилагательных в парадигму существительных, от которых они образованы, проявляется в специфических грамматических отношениях членов предложения 1) Притяжательное прилагательное может иметь атрибутивное дополнение в род п розграбиша и Водовиковъ дворъ и Борисовъ тысячьского 2) Личное местоимение может относиться к имени существительному, от которого употреблено только притяжательное прилагательное

идоша на дворъ Якунь и разграбиша и жену *его* яша В этом примере родительный принадлежности *его* относится к личному имени Якунь, которое названо не в форме существительного, а в форме прилагательного Якунь 'принадлежащий Якуну' 3) Личное имя, от которого произведено притяжательное прилагательное, могло выполнять функцию субъекта следующего (зависимого или независимого) предложения до первого лѣта Олгова, понеже сѣде въ Киевѣ В качестве примера приведено предложение с опущенным подлежащим онъ, употребление притяжательного прилагательного осталось бы без изменений и в случае, если бы присутствовало подлежащее⁸

В праславянском языке индивидуально-посессивное значение имели суф -ь/-ы, -јь, -ъль, -ъљь, -иљь и -евъ/-овъ Хронологически их можно разделить на три группы самые древние (суф -ь/ъ и -ъль), от которых сохранились только следы в древнейших славянских памятниках, древние (суф -јь и -ъљь), которые расширили свое употребление в эпоху доминирования суф -јь (суф -ъљь также представляет собой сложение -ъль и -јь), и новые (суф -иљь и -евъ/-овъ), которые сформировались в последней фазе развития праславянского языка, когда уже начинали выделяться отдельные славянские языки

В праславянском языке сложилось два семантических типа притяжательных прилагательных Первый тип *братьъ* 'принадлежащий брату' — собственно притяжательные прилагательные (обозначают принадлежность) Другой тип *братьъ* 'имеющий брата' — квалитативно-посессивные прилагательные (означают обладание) Только старые посессивные суффиксы -ь/ъ, -јь, -ъль, -ъљь имели этот второй семантический тип, в котором пересекаются две семантические категории (посессивность и квалитативность)

Категориально-посессивное значение в праславянском языке выражалось суф -ь/ъ и -ъскъ, которые имели и значение относительных прилагательных и не включали прилагательное в парадигму имени, от которого оно образовывалось Индивидуально-посессивное значение прилагательного *боžјъ* < **bog-ъ/jь* развивалось вторично Это прилагательное, образованное в праславянском языке от appellativa *bогъ* с помощью относительно-притяжательного суффикса -ь/ъ, в языческую эпоху верования во многих богов могло иметь только относительное и категориально-посессивное значение От имен отдельных божеств (сложений с -*bогъ*) образовывались притяжательные прилагательные с помощью суффикса -јь С принятием христианства как монотеистической религии постепen appetitivum *bогъ* стал постепen proprium *Bогъ* А относительно-притяжательное прилагательное *боžјъ*, которое в языческое время значило 'относящийся к богам, свойственный или принадлежащий богам', получило значение 'принадлежащий Богу, относящийся к Богу' Этот специфический языческий элемент принял христианством потому, что слово *боžјъ* в языческое время уже получило ярко выраженный сакральный смысл⁹

Р. Бощкович указал на то, что "притяжательные прилагательные от личных имен создавались без ограничений в славянских языках с помощью основообразующего суффикса -ь<-os"¹⁰ Суффикс имел

два алломорфа алломорф -ь, если основа оканчивалась на непалатальный согласный, и алломорф -ъ, если основа оканчивалась на -ј или на йотированный согласный

С помощью варианта -ъ производились притяжательные и квалитативно-посессивные прилагательные. Притяжательные прилагательные на -ъ засвидетельствованы в живом употреблении в старосербохорватском языке — в словосочетании синь *Bretъ* (надгробная плита), в котором *Bretъ* — прилагательное на -ъ от сокращенного личного имени *Bretъ* <*Bretъ*<*Bretislavъ*¹¹. Квалитативно-посессивные прилагательные на -ъ типа *сыгnoкъ* 'тот, у кого черные глаза', *dygoroкъ* 'тот, у кого длинные руки' возникли из комбинации суффиксации и сложения. Трудно что-либо определенное сказать о морфологических условиях употребления суф -ъ. Примеры показывают, что с помощью этого суффикса образовывались притяжательные прилагательные от старых б-основ (а квалитативно-посессивные также и от ю-основ)

С помощью варианта -ъ производились также притяжательные и квалитативно-посессивные прилагательные. Притяжательные прилагательные типа *cѣsařъ* 'цесарев, принадлежащий цесарю' засвидетельствованы в старославянских и древнерусских памятниках. В старославянском языке засвидетельствованы прилагательные *ljuboděi*, *preljuboděi*, *tomitelъ cѣsařъ*¹², которые Р. Башкович объяснял как "предславянские адъективные образования на -ъ, -а, -е' <-ъ, -а, -о"¹³. В древнерусских памятниках засвидетельствованы следующие примеры *цесарь* муж, *иконоразбитеle* безумие, душа же ми любодъя, съ строю ньвестокою (= *nevѣstъкоу*)¹⁴. С помощью суффикса -ъ образовывались в предславянском притяжательные прилагательные от патронимов на -*itjō (см. примеры ниже). С помощью суффиксального варианта -ъ образовывались и квалитативно-посессивные прилагательные типа др.-рус. *мъногоvoи* 'имеющий много воинов' и видъ Улияна *мъногоvoя*¹⁵. Форма *мъногоvoи* возникла в результате комбинации суффиксации и сложения. Примеры показывают, что с помощью суффикса -ъ образовывались притяжательные прилагательные от старых ю-основ (включая и старые основы на ю), которые подключились к этому склонению)

Суффикс -ъ имел очень широкие морфологические условия употребления. С его помощью образовывались притяжательные прилагательные от старых основ на ю, ю, ю, ю, г, и и ёт. Основы на ю множественные прилагательные типа ст.-слав. *Avraamъ*, др.-рус. Ярославъ. Основы на ю прилагательные *vъdovičъ*, *dѣvičъ*, *ovѣčъ* в старославянском, девичь, вдовичь, галич в древнерусских памятниках. Основы на -ї: субстантивированные притяжательные прилагательные в древнерусских топонимах типа Домагощь. Основы на и прилагательное *воли* в древнерусских памятниках (с -хорв. *woliјu*). Основы на согласный г прилагательное *maгеरъ* в старославянских устойчивых словосочетаниях типа *is črѣva mѣrja*. Основы на согласный -н прилагательное *jeleńъ* в старославянских и древнерусских памятниках. Основы на -ет прилагательные дитяч, книжачч, холопач, гтяч, звѣряч, куряч в древнерусском языке, прилагательные типа *Jurec* < *Juret-jъ в сербохорватском языке¹⁶.

С помощью суффикса -ъ произведены притяжательные местоимения *тојъ*, *гојъ*, *својъ*, *најъ*, *вајъ*. К ним можно присоединить местоименное

прилагательное **tjudjь* (др.-рус. чюжъ, в сербохорватском диссимиляция по мягкости *tuhj*), образованное от готского заимствования *þiuda* 'народ'¹⁷ Словообразовательная база слова **tjudjь*, не засвидетельствованная в славянских языках, должна иметь основу **tjud-* и значение '(германский) народ, (другой, не свой) народ', а от нее с помощью суффикса *-jь* образовано местоименное прилагательное с широким посессивным значением 'относящийся к другому народу, не свой'

На основании приведенного можно заключить, что посессивный суффикс *-jь* в праславянском языке был весьма живой категорией и что с помощью его образовывались притяжательные прилагательные почти от всех именных основ (за исключением йотированных, которые фонетически не допускали адъективации с помощью *-jь*) Посессивные суффиксы, которые сформировались позже (поздние посессивные суффиксы *-iъ*, *-eъ*/*-ovъ*) начали вытеснять суффикс *-jь* у некоторых основ, тогда как суффикс *-ъль* вытеснил формы на *-jь* из лексико-семантической группы семейно-родственных отношений После йотации суффикс *-jь* в неизменной форме остается только в прилагательном *voljь* и в притяжательных местоимениях *tojь*, *ivojь*, *svojь*, поскольку *j* в результате слияния с предшествующим согласным дал качественно новый звук или (после губных согласных) перешел в */* Существование после йотации суффикса *-jь* основано, следовательно, в большинстве случаев на оппозиции палатальный — непалатальный согласный¹⁸

С помощью суффикса *-jь* образовывались квалитативно-посессивные прилагательные, о чем свидетельствует средневековый сербский антропоним *Vragooча* (Дечанская хрисовуля, 1330 г.)¹⁹, который произведен с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-a*, очень продуктивного в сербохорватском, от незасвидетельствованной формы **Vragooсь*, которая возникла как комбинация суффиксации (суффикс *-jь*) и сложения в значении 'у кого глаза, как у врага, дьявола'

Примечание Н С Трубецкой выделил в старославянских текстах группу притяжательных прилагательных *салань*, *тарай* *авиаń*, *хуузань*, которую он включает в притяжательные прилагательные "с изменением согласной", но напоминает, что "согласный и не имеет эквивалента в греческом тексте"²⁰ М Бродовска-Гоновская считает, что эти четыре прилагательных образованы с помощью суффикса *-ъль*, но высказывает мнение, что на эти "странные формы" влияли, с одной стороны, прилагательные на *-jь* от личных имен на *-нь*, а с другой стороны, — прилагательные на *-iъ* и *-iйъ*²¹ В отношении первых трех прилагательных Ф В Мареш говорит, что это — нетипичные и искусственные образования, получившиеся путем добавления суффикса *-h* к именительному падежу основ на *đ*²² Мы доказали, что приведенные прилагательные нормально образованы с помощью суффикса *-jь* от личных имен **Salanъ*, **Taranъ*, **Avijanъ*, **Huzanъ*, которые появились в результате словообразовательной адаптации по образцу славянских имен на *-аń* типа с -хорв. *Milan* и *Miljan*²³

Посессивный суффикс *-ъль* не засвидетельствован в живом употреблении²⁴ Его следы сохраняет антропонимия — в категории имен по мужу и категории женских патронимов (см. ниже) В категории квалитативно-посессивных прилагательных его следы могут представлять префиксально-суффиксальные производные *bezmatereль*, *bezgotьсънь*, *bez-*

družnъ, bezbratnъ, bezrodnъ, bezčednъ, (femininum) bezmøžnъ, bezdětnъ 'не имеющая ребенка (детей)' Однако формы могли возникнуть и путем вторичной депалатализации согласного *н* в супф *-ьпъ*²⁵

Н С Трубецкой отмечает в старославянских памятниках лишь следующие притяжательные прилагательные с супф *-ьнъ* *отънъ*, *матънъ*, *брат(r)ънъ*, *господънъ* и *владычънъ*, к которым в поздних памятниках присоединяются еще *сыновънъ*, *дъщерънъ*, *дѣдънъ*, *зятьнъ*, *тьстьнъ*, и приходит к выводу "Указанные выше *отънъ*, *матънъ*, *брат(r)ънъ*, *сыновънъ*, *дъщерънъ* и т д , будучи притяжательными, в то же время обозначают определенные отношения, — правда, не пространственные и не временные, но семейные Что же касается до *господънъ* и *владычънъ*, то надо принять во внимание, что в условиях патриархального родового быта южных славян эпохи Первоучителей слова *господь* и *владыка* должны были восприниматься как принадлежащие к той же смысловой категории, что и *отъцъ*, *дѣдъ*, *тьсть* Таким образом, суффикс *-й-* образует притяжательные прилагательные от обозначенных членов семейных или родовых отношений"²⁶ Далее он говорит "Наши памятники не позволяют судить о том, распространялся ли этот способ образования притяжательных прилагательных на все имена рода (и свойства) или только на некоторые из них"²⁷ Анализ древнерусского языкового материала показывает, что супф *-нь* в поздней фазе праславянского языка был лексико-семантически ограничен именами со значением семейственно-родственных отношений, тогда как с точки зрения основ, от которых с его помощью образовывались притяжательные прилагательные, он был более широким и гетерогенным, чем другие посессивные суффиксы Кроме прилагательных, которые приводит Н С Трубецкой, в древнерусском засвидетельствованы следующие формы *прадѣдънъ*, *дружънъ*, *подружънъ*, *подружжънъ*, *къняжънъ*, *мжжънъ*, *стрыиñ*, *чалдънъ*, *дѣверънъ*, *челядънъ*, *женънъ*, *сестрънъ*, *бабънъ*, *прабабънъ*, *вънуучънъ*, *дружинънъ*, *служънъ*, *дядънъ*, *свекровънъ*²⁸

С помощью супф *-нь* образовывались и квалитативно-посессивные прилагательные опять-таки в лексико-семантически ограниченном кругу имен Следы этого семантического типа праславянских притяжательных прилагательных сохранились в русском и сербокорватском языках во-первых, в сочетании с префиксом *bezo-**тьнъ* 'без отца', *bezmøžnъ* 'без-мужия' и, во-вторых, в словосочетаниях у которых собственно посессивное значение невозможно *bratъnъ sesira* 'сестра, у которой есть брат', *dеветбратъnъ* 'сестра, у которой девять братьев' (не реализуется значение *сестра брата), *møžnъ žena* 'женщина, имеющая мужа' (не реализуется значение *жена мужа), *dětъnъ* 'женщина, у которой ребенок или которая беременна' (не реализуется значение *женщина ребенка)²⁹

Субстантивированные квалитативно-посессивные прилагательные с супф *-нь* засвидетельствованы в праславянских названиях месяцев *berzъnъ* < *berzъnъ* *mësëcъ* 'месяц берез' (= когда распускаются бересы), *kvetъnъ* 'месяц цветов' (= когда цветут полевые цветы), *travъnъ* 'месяц трав' (= когда прорастает трава), *čygъnъ* 'месяц червей', *lipъnъ* 'месяц лип' (= когда цветут липы) и др В том смысле необходимо уточ-

нить семантику и суффиксальное оформление основного типа праславянских названий месяцев³⁰

Необходимо еще подчеркнуть, что суф *-ъль* имел, наряду с индивидуально-посессивным еще значение групповой посессивности. Так, *братьль* могло значить не только 'принадлежащий брату' и 'имеющий брата', но и 'принадлежащий братьям' и 'имеющий братьев'

Суф *-ить* относится к новым праславянским посессивным суффиксам. С его помощью образовывались только собственно притяжательные (но не квалитативно-посессивные) прилагательные, что объясняется его происхождением от (посессивного) датива. Он развился в кругу старых *и*-основ, от которых перешел на *а(ā)*-основы³¹. В старославянских памятниках засвидетельствованы прилагательные от основ на *-и* (*golobinъ*, *perijaznинъ*, *zvѣтинъ*), многочисленные образования от *а(ā)*-основ типа *vojevodinъ* и *Mariинъ*. Однако прилагательные *smokvinъ* от *и*-основы и *osyletinъ* от основы на согласный *-er*³² могут рассматриваться как инновация старославянского. В древнерусских памятниках сохранились многочисленные примеры производных от *и*-основ *гостинъ*, *татинъ*, *волоселинъ*, *блядинъ*, *дѣтинъ*, *зѣбринъ*, *гусинъ*, *голубинъ*, *лошадинъ*, *тетревинъ*, *Рогыньдинъ*, *Рахилинъ*, *Мышинъ*, *Бебринъ*, а также от *а(ā)*-основ³³.

Из праславянских посессивных суффиксов суф *-евъ/-овъ* наиболее поздний, он не имел квалитативно-посессивного значения. Данный суффикс образовался на базе основ на *и* (*и*) с помощью суф *-ь*, точнее от той разновидности основы, которая представлена в род и дат падежах, выражавших принадлежность, что и объясняет его семантику³⁴. Суффикс имел два алломорфа алломорф *-евъ*, если основа оканчивалась на *-i*- или йотированный согласный, и алломорф *-овъ*, если основа оканчивалась на непалатальный согласный.

С помощью варианта *-евъ* образовывались притяжательные прилагательные от *и*-основ (а также и от *и*-основ). В кругу этих основ развилось своего рода соперничество суффиксов *-и* и *-евъ*. На последнем этапе развития праславянского языка результаты этого соперничества могли бы быть представлены в следующем виде: 1) мужские патронимы образовывали прилагательные только с помощью суф *-ь*, 2) *nomina appellativa* на *-ieъ*, *-dѣъ*, *-aъ* и др. образовывали прилагательные с помощью суф *-ь*, но с ним все более конкурировал суф *-евъ*, ограничивая употребление более ранних посессивных форм, 3) *nomina propria* (кроме патронимов) легко образовывали прилаг на *-евъ* (здесь нет следов суф *ь*)

В кругу *а*-основ суф *-овъ* конкурировал с суф *-ъ*. Основы на *и* передали основам на *а* в процессе их смещения, наряду с падежными окончаниями, и посессивный суффикс *-овъ*.

К существительным, имеющим новые ум-ласкат суффиксы (*-ъко*, *-ло*, *-ило*), присоединялся только суф *-овъ*. С помощью этого суффикса образовывались притяжательные прилагательные от существительных с односложной основой, вероятно, также уже в праславянскую эпоху. Дальнейшее соперничество этих суффиксов и более широкое распространение впоследствии прилагательных на *-овъ* относятся уже к истории отдельных славянских языков.

После формирования специфической системы посессивных категорий в праславянском языке родительный принадлежности как синтаксис-

ческое средство выражения атрибутивной посессивности сохранился в весьма ограниченном употреблении 1) родительный принадлежности употреблялся от тех личных местоимений, от которых не были образованы посессивные местоимения, а именно первое лицо двойственного числа (*Гне наю*), второе лицо двойственного числа (умь *ваю*), третье лицо единственного числа (тъло *его*, *сего* мти, *оного* съмѣрение, лица е^ч), третью лицо двойственного числа (оть гробу *ею* стю), третье лицо множественного числа (бѣз *ихъ*) 2) Родительный принадлежности встречаем и в случае, когда субъект посессивности выражен субстантивированной формой прилагательного (родителя *стго*) или причастия (ближний *и бъенаго*) 3) Родительный принадлежности сохранился в застывших выражениях типа *въ отьса тѣсто*, которое позднее трансформировалось в предложную конструкцию (в русском *вместо отца*, в сербохорватском *гместо оца*)³⁵ 4) Родительный принадлежности имели две антропонимические категории — имена по мужу и женские патронимы (см. ниже) 5) Если субъект посессивности состоял из двух компонентов — существительного и его определения (посессивного местоимения, прилагательного и др.), то от существительного образовалось и употреблялось притяжательное прилагательное, а определение стояло в род п. Об этом свидетельствуют древнерусские примеры типа *брать Якіновъ с іѣлago*³⁶, старочешеские типа *prvěho kíálova syna* 'сына первого короля'³⁷, словацкие типа *mojej tetkina komora* 'комната моей тетки'³⁸. И именно это последнее употребление — контаминация притяжательного прилагательного и родительного принадлежности — источник последующего постепенного возрождения и расширения присубстантивного родительного падежа, но это уже предмет истории отдельных славянских языков

Атрибутивно-предикативная посессивность в праславянском языке выражалась с помощью дательного принадлежности. Посессивное значение дат падежа реализовалось на уровне предложения, причем дат п. имел и дополнительные объектные значения, прежде всего значение близкой связи субъекта посессивности с объектом посессивности, значение предназначения и др. Конструкции, в которых в древнерусском языке употреблялся посессивный датив³⁹, в основном отражают синтаксические и семантические условия его употребления в праславянском языке: а мати *имъ* поидеть за мужъ, а дружину *ти* избывают, возложило поруку на мою сестру и на дочерь *еи*, бѣ Добрына уи *Володимеру*. Эти условия почти полностью совпадают с условиями употребления этой категории в сербохорватском языке. Нужно специально выделить две семантико-синтаксические функции дательного принадлежности. Во-первых, дательный принадлежности, представляя собой один из видов категории посессивной "определенности", употреблялся для выражения дополнительной, но уже обозначенной посессивности приде княгини его и сестра *емъ* Олга⁴⁰. Во-вторых, дательный принадлежности употреблялся в сочетании с притяжательным прилагательным, что являлось контаминированным способом выражения посессивности *въ отни ему манастыри* 'в монастыре его отца', *отень ти есмъ другъ*⁴¹. Субъект посессивности в этих примерах выражен синтагмами типа *оться jego*, *оться tuoљ* (те сам

субъект посессивности имеет атрибутивное посессивное определение) Интересно, что эти конструкции сохранились в говоре галипольских сербов *братово ю ми де*⁴² 'ребенок моего брата', *кикина ми кућа* 'дом моего дяди', *женина ми мама* 'мать его жены' и т д⁴² (конечно, все эти примеры нужно рассматривать в составе предложения, принимая во внимание двойную грамматическую зависимость дательного принадлежности) Почти полное совпадение в значении и употреблении дательного принадлежности в самых старых древнерусских памятниках и в сербохорватском языке и его диалектах лучше всего свидетельствует о праславянском характере этой посессивной категории⁴³

Предикативная посессивность в праславянском языке выражалась с помощью конструкций двух типов (которые можно условно назвать посессивными предложениями) 1) В предложении, в котором указывается, кому принадлежит объект посессивности (тема предложения — объект посессивности, а рема — субъект посессивности), реализуется собственно посессивное значение (значение принадлежности) Это значение в праславянском языке передавалось конструкцией с глаголом *быти* и притяжательным прилагательным в функции именной части сказуемого типа сербохорватского *кућа је Петрова* Предикативное употребление притяжательных прилагательных редко встречается в старых памятниках Ср в древнерусском и реч старец чия *еста дѣтьская Гласта Ярославля*⁴⁴ В этом типе посессивных предложений употреблялись, следовательно, суффиксальные посессивные категории 2) В предложении, в котором указывается, что имеет субъект посессивности (тема предложения — субъект посессивности, а рема — объект посессивности), реализуется квалитативно-посессивное значение (значение обладания) Для выражения этого значения праславянский язык пользовался лексическим средством — конструкцией с глаголом *ътѣти>*имѣти*, *ътати>*имѣти*, конструкция же с глаголом *быти* и род п с предлогом *и*, употребляемая в этом значении, — результат дальнейшего развития, особенно характерного для восточнославянских языков

Суффиксальные посессивные категории послужили базой для образования посессивных производных слов По формальным и семантическим признакам выделяем посессивные производные образования в антропонимии, топонимии и апеллативной лексике По синтаксическим признакам посессивные производные делятся на те, которые включаются в систему праславянских посессивных категорий (антропонимические производные), и на те, которые только генетически связаны с этой системой (топонимические производные и апеллативные производные)

Посессивные производные образования в антропонимии сформировали специфическую праславянскую антропонимическую систему В антропонимической системе, которая развилась в праславянском языке и культуре, различаем антропонимические категории как разряды имен со своим особым формально-грамматическим обликом и ономастическим значением Другими словами, для того чтобы какой-то тип антропонимических наименований получил статус антропоними-

ческой категории, он должен удовлетворять двум требованиям 1) иметь особый формально-грамматический облик, отличный от всех других типов наименований лица, 2) иметь свое особое ономастическое значение в процессе номинации

Исходя из двух указанных критериев, в праславянском языке можно выделить три сформировавшиеся антропонимические категории личные имена, имена по мужу и мужские патронимы Женские патронимы, которые свой окончательный формально-грамматический облик и ономастический статус получили в восточнославянских языках, генетически восходят к эпохе праславянского языка Все антропонимические категории делятся на два разряда на те, которые не имеют в основе посессивности как понятийно-семантической категории (личные имена), и на те, которые по своим формально-грамматическим признакам являются производными посессивными образованиями (имена по мужу, мужские патронимы, женские патронимы)

Личные имена значительно отличаются от других антропонимических категорий с формально-грамматической стороны—тем, что в своей словообразовательной структуре не содержат посессивной морфемы, а, с семантической стороны,—тем, что осуществляют номинацию непосредственно, а не через имена других лиц Приведенные отличия характеризуют как личные имена в узком смысле, так и прозвища и уменьшительно-ласкательные формы В личных именах получает выражение квалитативность как понятийно-семантическая категория, что особенно ярко проявляется в двухосновных именах, доминировавших в праславянском языке личных антропонимах *Jaroslavъ* 'тот, который, рано прославился' — *Jaroslava* 'та, которая рано прославилась'

Производные антропонимические категории (имена по мужу, мужские и женские патронимы) двояко связаны с системой посессивных категорий генетически — тем, что содержат в своей словообразовательной структуре посессивную морфему, синтаксически — тем, что они могли быть дополнены их атрибутивной формой, с помощью которой точнее определяется субъект посессивности Первой своей особенностью антропонимические посессивные производные сходны с другими посессивными производными (в топонимии и апеллативной лексике), а второй — отличаются от них

Имена по мужу (как антропонимическая категория праславянского языка) имеют свои формальные и семантические признаки С формально-словообразовательной точки зрения имена по мужу являются притяжательными прилагательными определенного вида, произведенными от основы мужского личного имени или апеллатива, обозначавшего лицо мужского рода Употреблявшиеся только в функции существительного, по типу склонения они, однако, относились к местоименным прилагательным С семантической точки зрения имена по мужу являются антропонимами, которые осуществляют номинационную функцию опосредованно, через имя мужа⁴⁵

Имена по мужу образовались путем лексикализации словосочетания *femininum* притяжательного прилагательного (с различными

суффиксами) и указательного местоимения *jь, ja, je*, точнее, эти формы получились в результате сращения, т е путем синтаксической деривации, причем первым компонентом было притяжательное прилагательное, образованное с помощью посессивного суффикса 1) В категории *nomina propria* засвидетельствованы имена по мужу с суф *-jь, -iль, -евъ/-овъ* Суф *-jь Иваняя, Володимеряя, Всеволожая, Столичая, Ярославяя* в древнерусском языке, *Владиславла* < *Vladislav'aja, *Десимирию* < *Desimiriāja, (вин п) *Павлю* < *Pavl'iui в старосербских памятниках⁴⁶ Суф *-iль* имена по мужу типа древнерусского *Něžat'kina-jā*⁴⁷ Суф *-евъ/-овъ* имена по мужу типа древнерусских *Яневая, Rad'kovaja*⁴⁸ 2) В категории *nomina appellativa* представлены имена по мужу с суф *-jь, -иль, -ыль, -iль, -евъ/-овъ* Суф *-jь дьячая, дьякония* в древнерусском, *gъраhаja в старочешском языке Суф *-иль:* *icvlna (чакав *ijnā*), *struylna (чакав *strínā*, чеш диал *stryná*, словац *striná*)⁵⁰ Суф *-иль* **šigrl̥nā* (с -хорв *ši'rňa* < *шурнъа*, макед *шурнеа*)⁵¹. *struylna (в древнерусском вин п *стрынио*, тв п *стрышино*). **rodyl̥nā* (в древнерусском им п мн ч *родни*)⁵² Суф *-iль* *воеводиная, дядиная, старостиная* в ст -укр языке⁵³ Суф *-евъ/-овъ* имена по мужу типа др -рус *королевая, поповая*⁵⁴

Примечание В этимологических словарях славянских языков чеш *paní* с точки зрения словообразования реконструируется как именное образование с суф *-yjī* **rapyjī*⁵⁵ или **gъrapyjī*⁵⁶ Мы же это слово реконструируем как праслав (вероятно, диал праслав) имя по мужу с суф *-j(aja)* *gъrahā ja 'панова та (т е жена)'> *gъrahāja> *rahāja Даные памятников⁵⁷, свидетельствующие об этом, указывают в качестве первоначального источника чешский язык, где конец слова подвергся фонетическим изменениям *(*gъ*)*rahāja* > *rahīja > *rahīji > *rahīi > *paní* Позднее слово в результате расширения чешского культурного влияния получило большее распространение

Будучи существительными по своей функции, имена по мужу специфическим образом входили в систему посессивных категорий праслав языка С суффиксальными посессивными категориями их объединяло не только происхождение, но и синтаксическое употребление Древнерусские антропонимы типа *Глбовая Всеславича*⁵⁸ показывают, что имя по мужу ведет себя как словосочетание *Глбова жена* при нем мог стоять родительный принадлежности патронима мужа, который точнее определял субъект посессивности Первоначально при притяжательном прилагательном, образованном от личного имени, употреблялось притяжательное прилагательное от патронима (см примеры ниже), но затем последнее было заменено родительным принадлежности В конструкциях с именами по мужу отмечен только генетив патронима

Каким грамматическим средством в праславянском языке выражалась атрибутивная посессивность, когда субъектом посессивности было имя по мужу? Имена по мужу как формы с субстантивной функцией, изменявшиеся по местоименному склонению прилагательных, употреблялись в форме родительного принадлежности К этому выводу мы приходим на основании фактов древнерусского (общевосточнославянского) языка совѣтомъ брата *королевое*, имѣя велику любовь к детемъ *Романовое*⁵⁹ В староукраинских памятниках в качестве

посессивной формы имени по мужу также представлен только род *piszal krolowej pisar*, где е(ст) домъ *Пиятрово(u)*⁶⁰. Родительный принадлежности имени по мужу засвидетельствован и в старопольских памятниках *do paney do Micolatenev domi, ne iachal na panej Janouej dzedzing, paney Jadwiszyna oczczisna, w paney dom Yaduiszin*⁶¹. Два последних примера, в которых употреблены родительный принадлежности имени по мужу и притяжательное прилагательное от личного имени, подтверждают нашу словообразовательно-семантическую реконструкцию *gъrańja (см. выше). Такой контаминированный способ выражения посессивности зафиксирован и в древнерусском надь гробомъ княгининомъ *Ярославѣ*, взя городъ княгининъ на щить *Сѣславлѣв*⁶². В старочешском также представлен только родительный принадлежности имени по мужу *paní* в тukу *panie své, panie služebník*⁶³.

Мужские патронимы как антропонимическая категория праславянского языка также имеют свои формальные и семантические особенности. С формально-словообразовательной точки зрения мужские патронимы, в отличие от других антропонимических посессивных образований, являются именными образованиями с суффиксом **-ičo* (др.-рус. *-ičь*, ст. -с-хорв. *-icъ*, ст. -чеш. *-icъ*), кроме того, согласно нашему толкованию, они имеют в своем составе посессивную морфему и образуются от основы притяжательного прилагательного. С семантической точки зрения мужские патронимы являются антропонимами, которые осуществляют номинационную функцию опосредованно, через имя отца.

Рассматривая словообразовательную структуру древнерусских патронимов, Р. Якобсон выдвинул гипотезу, согласно которой двуосновные имена образовывали патронимы непосредственно от основы существительного, тогда как в кругу одноосновных имен патронимы образовывались от основы притяжательного прилагательного. Это отличие он пытался объяснить социолингвистически — предположением о том, что патронимы с субстантивным суффиксом первоначально образовывались только от двуосновных аристократических имен, тогда как от одноосновных образовывались патронимы, состоящие из притяжательного прилагательного от личного имени и сущ. типа *Хотовъ сынъ*. Под влиянием притяжательных прилагательных в словосочетаниях указанного типа сформировались патронимы с посессивной морфемой типа *Хотовичъ*⁶⁴. С В. Фролова также считает, что славянские патронимы первоначально образовывались от субстантивной основы, но объясняет патронимы типа *Игоревичъ, Роговичъ* иначе — как производные от существительных с тематическим суффиксом *-ев-/ов-*⁶⁵. На основе анализа древнерусских патронимов и учитывая относительную хронологию притяжательных прилагательных, мы утвердились во мнении, что приведенное толкование ошибочно. Патронимы типа *Иваничъ* и *Володимѣричъ* предыдущие исследователи неточно реконструировали как образования от именной основы. Наш анализ показывает, что это производные от основы притяжательных *Іванъ, Volodiměřъ*, что подтверждает хронологический параллелизм *Іванъ — Иваничъ, Володимѣръ — Володимѣричъ* при *Ивановъ — Ивановичъ, Володимѣровъ — Володимѣровичъ*⁶⁶.

В праславянском языке патронимы имели единообразную струк-

туру основа притяжательного прилагательного + суф *-i^{do}. Эту структуру хорошо сохраняют древнерусские патронимы типа *Соломоничь*, *Творимиричь*, *Молибожичь*, *Стополичь*, *Воитвичь*, *Мъстиславичь*, *Всеволожичь* (с посессивным суф -jь), *Милятиница* (с суф -i^{ny}), *Яневичь*, *Нѣжъновичь* (с суф -e^v/-o^v). Такую же структуру имеют образования в категории appellativов типа *сестричичь* (основа притяжательного прилагательного на -jь *sestričь* от сущ *sestrica* + суф -i^č) Ср и ст -чеш *panic^{b7}* < *gъrānīcь (основа прилагательного на -jь *gъrānъ от сущ *gъrānъ + суф -i^{c8}).

Хотя патронимы на *-i^{do} по форме и функции являются существительными, они специфическим образом входили в систему посессивных категорий праславянского языка: патроним имел такое же синтаксическое употребление, как посессивное словосочетание с сущ *зуль*. Притяжательное прилагательное, от которого образован патроним, могло иметь определение в форме родительного принадлежности Ивань *Творимиричъ в о в о ды Ярославля*, Юрье *Володимѣричъ Манамаха^{b8}*. Это синтаксическое употребление возможно только потому, что мужские патронимы по происхождению являются образованиями от основы притяжательных прилагательных.

Каким грамматическим средством в праславянском языке выражалась атрибутивная посессивность, когда субъект посессивности был представлен патронимом на *i^{do}? С В. Фролова для древнерусского языка предполагает, что это были "формы на -евъ, хотя они сохранины не самыми ранними памятниками"^{b9}, а П. С. Кузнецов считает, что это был первоначальный родительный принадлежности патронима^{b10}. Мы доказали, что оба этих способа вторичны — и суф -e^v и родительный принадлежности — и что первичным было употребление притяжательного прилагательного с суф -ь и в случае, когда субъектом посессивности является мужской патроним на *i^{do}. В древнерусских памятниках мы обнаружили убедительные подтверждения прилагательных этого типа дворъ *Творимирицъ* (1230), повельничь *Милятиномъ Лукиницъмъ* (1215), абы умирить его с Рязанци съ *Глѣбовици* (1187), дружина же *Андрѣевича* не пустиша его в городъ (1171), а се чара кня *Володимирова Давыдовича* (до 1151 г.). Примеры показывают, что прилагательные типа *Творимиричъ* (= Творимиричев) от патронимов типа *Tvorimiričь* в древнерусском языке употреблялись вплоть до первых десятилетий XIII в. в Первый достоверный пример родительного принадлежности известен с конца XIII в., что позволяет определить хронологию образования посессивных форм от патронимов в древнерусском языке судь *Ярославъ Володимирица* (1280). Прилагательные на -e^v от патронимов в древнерусском языке вообще не зафиксированы, они появляются в украинских памятниках в середине XV в., а в русском — в XVI—XVII вв.^{b11}

В сербохорватском языке представлены многочисленные и разнообразные следы прилагательных с суф -ь, образованных на базе патронимов в антропонимии — в словосочетаниях типа *Југовић мајка* и в женских фамилиях типа (Коса) *Смиљанића*, б) в топонимии *Дабижљевић-до*, *Башковић-поток*, *Николић*(поток), *Петрића*(вас=село), *Марсенића ријека*, *Башиће* (село), *Златарића врата*, *Малићи*

*ораси, Грастиће врбе*⁷² Название религиозного праздника *Божић* появилось в результате субстантивации прилагательного на -ь от патронима *božićъ (=‘принадлежащий божичу’) *dъль* > **božicъ*⁷³ В чешском языке *masculinum* ед. ч старых притяжательных прилагательных от патронимов сохранился в застывшей форме в посессивных образованиях типа *Novákovic*, которыми обозначается то, что принадлежит семье, а топонимы типа *Budějovice* представляют собой старый *neutrum* (им п ед ч) прилагательного этого типа

В праславянском языке женские патронимы, судя по всему, не были сформированы и стабилизированы как антропонимическая категория. Соответствующее ономастическое значение выражалось описательно — словосочетанием притяжательное прилагательное, образованное от имени отца + *dskti. Однако существуют некоторые указания на то, что притяжательное прилагательное (по форме — неопределенного вида), образованное от имени отца, представляло собой женский патроним. Начало формирования этой антропонимической категории относится к эпохе широкого употребления посессивного суффикса -ъль как в кругу *nomina appellativa*, так и в кругу *nomina propria*. Действительно *femininum* притяжательных прилагательных (неопределенного вида) с этим суффиксом мог субстантивироваться и, будучи употребленным самостоятельно, выражать ономастическое значение — женского патронима. Этот суффикс, в форме ж р -ъла, сохранился в патронимическом (и матронимическом) значении и в период, когда посессивный суф -ъль вышел из живого употребления и был заменен другими посессивными суффиксами. Судя хотя бы по скучным следам, оставленным женскими патронимами на -ъла в отдельных славянских языках, формирование этих патронимов было едва лишь в зародыше. Как формирующаяся антропонимическая категория женские патронимы в праславянском языке имеют свои формальные и семантические особенности. С формально-словообразовательной точки зрения женские патронимы являются притяжательными прилагательными неопределенного вида, производными от основы мужского личного имени или appellativa, обозначающего лицо мужского пола. Они имели в своем составе посессивную морфему -ъл(а). Эти атрибутивные адъективные формы с течением времени субстантивировались, чему способствовало то обстоятельство, что они изменялись по именному склонению. С семантической точки зрения женские патронимы являются антропонимами, которые осуществляют свою номинационную функцию опосредованно, через имя отца.

Как мы указали, женские патронимы образовались путем транспозиции — субстантивацией формы ж р притяжательного прилагательного. Засвидетельствованы только формы с суф -ъль, *femininum* на -ъла. Рассмотрим их следы в славянских языках. 1) Первый тип древнерусских патронимов, которые образовывались с помощью суф -ъла от основы личного имени, может быть праславянского происхождения. Засвидетельствованы патронимы только от личных имен на -ув и -ъль: *Изяславна, Стославна, Мъстиславна, Ярославна, Ростиславна, Володимерна, Казимърна*⁷⁴. 2) В категории *nomina appellativa* в древнерусском представлены женские патронимы (и матронимы)

*сестрична*⁷⁵ < *sestrična*, форма образована с помощью суф -ьла от сущ *sestrica* (<**sestrikā*), *братанна* 'дочь брата'⁷⁶ < *bratalna*, форма образована от сущ *bratianъ*, *княжна* 'дочь князя'⁷⁷ < *knyežnā* 3) Ст -чеш *rappa* (*hrappa*), род п и вин п мн ч *rapen*⁷⁸ < **gryarpa*ла, форма образована с помощью суф -ьла от сущ *gryarla

Хотя женские патронимы и получили функцию существительного, они специфическим образом входили в систему посессивных категорий праславянского языка, как и мужские патронимы и имена по мужу. Они имели то же синтаксическое употребление, что и словосочетание, состоящее из притяжательного прилагательного и сущ *dъkti, т.e. могли употребляться с патронимом отца (или с другим приложением при имени отца) в род п В наших материалах из древнерусских памятников такое синтаксическое употребление форм типа *Ярославна*, которые мы считаем появившимися уже в праславянском языке, не отмечено, но оно отмечено для другого типа женских патронимов, который мы квалифицируем как развившийся позднее женитися *Петровной Михалковича*⁷⁹.

Возникает вопрос какими грамматическими средствами, с помощью суффиксов или синтаксически, выражалась принадлежность, когда субъект посессивности был представлен женским патронимом на -ьла? Древнерусские памятники дают ответ на этот вопрос и едва *Мстиславны товаръ ублюдоша* (1127)⁸⁰ — в кругу женских патронимов, как и в категории имен по мужу, первоначально употреблялся родительный принадлежности. Это объясняется тем фактом, что патронимы с суф -ьла по происхождению являются субстантивированными притяжательными прилагательными. В ходе дальнейшего исторического развития женские патронимы окончательно перешли в категорию существительных и затем от них, как и от других существительных на -а, стали образовываться притяжательные прилагательные с помощью суф -и- <-иль. Эту стадию их развития проиллюстрируем примером из старочешского *A toto podáni pannino* (1491)⁸¹ и русского безъ королевнина въдома (1582)⁸². В Слове о полку Игореве представлен интересный случай графической контаминации — древнерусского родительного принадлежности *Jaroslavny* и поздней русской формы прилагательного *Jaroslavnin* — в примере *Ярославнынь гласъ*⁸³.

Примечания

- ¹ Потебня А А Из записок по русской грамматике М., 1968 Ч 3, 410
- ² Трубецкой Н С О притяжательных прилагательных (*possessiva*) староцерковнославянского языка // Зборник лингвистических и филолоших расправа А Белићу о четредесетгодишњици његова научног рада Београд, 1937, 16
- ³ Фролова С В К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Уч зап КубГ пед ин-та Т 32, 1960, 326
- ⁴ Зверковская Н П К истории суффикса -ов в древнерусском языке // Общеславянский лингвистический атлас Материалы и исследования 1976 М., 1978, 256 (сноска)
- ⁵ Резник И И Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков М., 1973, 44—46
- ⁶ Это объяснение мы впервые привели в книге Маројевић Р Посессивне категорије у руском језику (у своме историјском развитку и данас) Београд, 1983, 9—10 См также Маројевић Р Посессивные категории в русском языке (история развития и современное состояние) // Филол наук 1983, № 5, 56—57

- ⁷ Маројевић Р Указ соч ,11—12
- ⁸ Примеры см Маројевић Р Указ соч ,10, Потебня А А Указ соч ,409—410
- ⁹ Подробнее см Маројевић Р Заметки по историческому словообразованию 3 О пра-славянском суф -ъъ и прилагательном *božъ* // Этимология 1983 М ,1985, 84—85
- ¹⁰ Башковић Р Одабрани чланци и расправе Титоград, 1978, 379
- ¹¹ Там же, 381
- ¹² Brodowska-Honowska M Słownictwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim Kraków etc ,1960, 32—33
- ¹³ Башковић Р Указ соч , 383
- ¹⁴ Маројевић Р Посесивне изведенице у староруском језику Антропонимски систем Топонимија "Слово о полку Игореве" Београд, 1985 45
- ¹⁵ Там же, 123—124
- ¹⁶ Ср примеры в работах Brodowska-Honowska M Op cit , 29—52, Маројевић Р Посесивне категории , 15—22, Башковић Р Указ соч , 421—427
- ¹⁷ Фасмер IV, 379, Holub-Корељп' 86—87
- ¹⁸ О чередованиях согласных в древнерусском языке см Маројевић Р Указ соч , 23—25, о хронологии притяжательных прилагательных на -ъ и -овъ в старославянском см Mareš F V K chronologii slovanských posesivních adjektiv staršího mladšího typu (Budeč-Budkov) // Zpravodaj místopisné komise CSAV, XI, 3 Pr , 1970, 348—355, а в древнерусском см Маројевић Р Указ соч , 63—110 Хронология притяжательных прилагательных дает драгоценные свидетельства о времени фонетико-фонологических изменений (о применении метода их параллельного исследования см Маројевић Р Историческое словообразование и хронология фонологических изменений Изменения в системе согласных фонем древнерусского языка // Филол науки 1985, N 5, 38—42)
- ¹⁹ RJA XXI, 364
- ²⁰ Трубецкой Н С Указ соч , 19 (сноска)
- ²¹ Brodowska-Honowska M Op cit , 171—172
- ²² Mareš F V Op cit , 350—351
- ²³ Маројевић Р Заметки по историческому словообразованию 2 Старославянские притяжательные прилагательные типа *Salań* // Этимология 1981 М ,1983 47—49
- ²⁴ О происхождении праславянских possessivных суффиксов -ъъ и -ъъ см Башковић Р Указ соч , 363—368
- ²⁵ Подтверждения и объяснение см Маројевић Р "Деветбратња сестра" у народној песми О једном творбено-семантичком типу словенских possessivных придева // ЈФ XXXVII, 1981, 244—248
- ²⁶ Трубецкой Н С Указ соч , 17
- ²⁷ Там же
- ²⁸ Маројевић Р Possessivni pridjevi sa sufixom ъъ u historiji russkog jezika // Зборник за филологију и лингвистику Нови Сад 1983, XXVI / 1, 21—22
- ²⁹ Маројевић Р "Деветбратња сестра" ,243—248
- ³⁰ Ср Шаур В К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология 1971 М ,1973, 93—101
- ³¹ О происхождении суффикса см Маројевић Р Possessivne kategorije ,43—44 и приведенную там литературу
- ³² Brodowska-Honowska M Op cit , 71—75
- ³³ Маројевић Р Указ соч , 44—46
- ³⁴ О различных мнениях относительно происхождения суффикса и древнерусские свидетельства см там же, 27—43
- ³⁵ Древнерусские примеры см там же, 50—53
- ³⁶ Там же, 51
- ³⁷ Скорид С С О синтаксических свойствах притяжательных прилагательных в древнечешском языке // Вестник МГУ Сер 9 Филология, 1981, N 4, 49
- ³⁸ Ревзин И И Указ соч , 45—46
- ³⁹ Маројевић Р Possessivne kategorije ,56—62
- ⁴⁰ Этот и другие примеры см там же, 62
- ⁴¹ Там же, 12, 59
- ⁴² Ивић П О говору Галипольских Срба // СДЗБ XII Београд, 1957, 208, 331, 343
- ⁴³ Ср другие мнения Gallis A Da li je srpskohrvatski adnominalni dativ pripadnosti (posesivni dativ) — balkanizam? // Зборник за филологију и лингвистику Нови Сад, 1974, XVII / 1, 51—61

- ⁴⁴ *Маројевић Р* Указ соч., 26
- ⁴⁵ О происхождении и праславянском характере имен по мужу см. *Маројевић Р* Посесивне изведенице, 11—18
- ⁴⁶ Там же, 17—19
- ⁴⁷ Там же, 22
- ⁴⁸ Там же, 19—20
- ⁴⁹ Там же, 19
- ⁵⁰ *Бошковић Р* Указ соч., 367, Šaur V Etymologie slovanských přibuzenských terminů Praha, 1975, 73
- ⁵¹ *Маројевић Р* Шурња // ЈФ XXXV, 1979, 189—190
- ⁵² Он же Прославинские изведеные, 23
- ⁵³ Он же Имена по мужу у староукраинском языку // Ономатологија приложни Београд, 1986, VII, 132
- ⁵⁴ Он же Посесивные изведеные, 21
- ⁵⁵ *Machek*², 431, *Holub-Korečný*, 263
- ⁵⁶ ЭССЯ 7, 197
- ⁵⁷ *Staročeský slovník* Pr 15, 46—47, SI stpol VI, 1(34), 23—26; Словарь староукраинской мови XIV—XV ст К, 1978, II, 123
- ⁵⁸ См и другие примеры *Маројевић Р* Посесивные изведеные, 24
- ⁵⁹ Эти и другие примеры см там же, 25—26
- ⁶⁰ Эти и другие примеры см *Маројевић Р* Имена по мужу у староукраинском языку, 134—136
- ⁶¹ SI stpol IV, 1 (34), 25
- ⁶² Эти и другие примеры см *Маројевић Р* Посесивные изведеные, 26
- ⁶³ *Staročeský slovník* 15, 46—47 — Об именах по мужу в древнерусском языке я писал ранее, см *Мароевич Р* Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных К вопросу о природе имен типа *Ульеволода* в древнерусском языке // ВЯ 1981, N 5, 106—118
- ⁶⁴ *Jakobson R Studies in Russian Philology* О морфологическом составе древнерусских отчеств // Michigan Slavic Materials Ann Arbor 1962, N 1, 14—16
- ⁶⁵ *Фролова С В* Древнерусские отчества на -ич в словообразовательном отношении // Межзузовский сб научных трудов Куйбышевский пед. ин. т 253, 1981, 5, 8
- ⁶⁶ Подробные объяснения и примеры из древнерусских памятников см *Маројевић Р* Посесивные изведеные, 33—44
- ⁶⁷ *Staročeský slovník* 15, 47—48
- ⁶⁸ *Маројевић Р* Указ соч., 44
- ⁶⁹ *Фролова С В* История образования притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом -ов/-ев в русском языке // Уч зап Куйбыш пед ин-та, 1963, т 38, 23
- ⁷⁰ *Кузнецова П С* Очерки по морфологии праславянского языка М, 1961, 41
- ⁷¹ Подробнее и с необходимой документацией см *Маројевић Р* Указ соч., 44—53
- ⁷² Объяснение и примеры см *Маројевић Р* Прасловенска adjectiva possessiva типа *Tvorimificь* (од патронима типа *Tvorimificь*), южнокавказская судьба и трагедии у словенским языками // ЈФ XXXVIII, 1982, 98—107
- ⁷³ Реконструкцию праславянских форм сущ. *božićь* и притяжательного прилагательного *božićь* см *Мароевич Р* Заметки по историческому словообразованию 4 С-хорв *božićь* // Этимология 1983 М, 1985, 85—88
- ⁷⁴ *Маројевић Р* Посесивные изведеные, 60
- ⁷⁵ Там же, 59
- ⁷⁶ СлРЯ XI—XVII вв 1, 319
- ⁷⁷ Там же, 7, 206
- ⁷⁸ *Staročeský slovník* 15, 49—50
- ⁷⁹ *Маројевић Р* Указ соч., 62
- ⁸⁰ Там же
- ⁸¹ *Staročeský slovník* 15, 50
- ⁸² *Маројевић Р* Указ соч., 62—63
- ⁸³ Там же, 125—126